

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА
В РАБОТАХ ПОЗИТИВИСТОВ И И.Г. ДРОЙЗЕНА

С.О. Назаров

Аннотация. Проблема исторического синтеза впервые становится предметом дискуссий во второй половине XIX в. одновременно с формированием истории как академической дисциплины и обретением ею «классических» черт. В этот период, находясь в поисках ориентиров между естествознанием и философией, историки пытались определить свое место в системе наук как естественного, так и гуманитарного цикла. Одним из выражений такого поиска стала проблема синтезирующих возможностей исторической науки, породившая целый ряд воззрений на этот счет. В данной статье будет рассмотрен позитивистский идеал исторического синтеза и оригинальный подход к его осуществлению в работах И.Г. Дройзена.

Ключевые слова: исторический синтез, теоретический синтез, позитивизм, О. Конт, Г.Т. Бокль, И. Тэн, И.Г. Дройзен.

Для цитирования: Назаров С.О. Проблема исторического синтеза в работах позитивистов и И.Г. Дройзена // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 261–271. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-261-271

THE PROBLEM OF HISTORICAL SYNTHESIS
IN THE WORKS OF POSITIVISTS AND I.G. DROIZEN

S.O. Nazarov

261

Abstract. The problem of historical synthesis first became a subject of discussions in the second half of the 19th century at the same time as the formation of history as an academic discipline and its acquiring of “classical” features. During that period, historians tried to establish their place in the system of both the natural sciences and the humanities in their search for a reference point between natural science and philosophy. One manifestation of such a search was the problem of the synthesizing possibilities of historical science, which gave rise to a number of views on this subject. The article considers the positivist ideal of historical synthesis and the original approach to its implementation in I. G. Droysen’s works.

Keywords: historical synthesis, theoretical synthesis, positivism, A. Comte, G.T. Buckle I. Taine, I.G. Droysen.

Cite as: Nazarov S.O. The Problem of Historical Synthesis in the Works of Positivists and I.G. Droizen. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 261–271. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-261-271

© Назаров С.О., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«Прошлое, подумал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

А.П. Чехов «Студент»

Понятие «синтез» впервые появляется в словарях в конце XVII в. Данное слово имеет греческое происхождение и означает соединение, сочетание, составление [1, с. 625]. Соответственно исторический синтез — это наиболее полное и всестороннее представление исторической действительности во всей ее сложности, многоаспектности, взаимозависимости. Очевидно, его достижение требует не только определенных мировоззренческих установок, но и способов верификации получаемого знания путем опоры на соответствующие исследовательские установки, в том числе теоретико-методологического характера. Поэтому каждый этап исторического познания формирует свои представления о синтезе, требования к нему и одновременно открывает новые возможности для его достижения в историографической практике.

Интерес к проблеме исторического синтеза впервые отчетливо проявился в исторической науке в конце XIX — начале XX века и был связан с т. н. методологическим кризисом, обозначившим переход от классической рациональности к неклассической. Тогда дискуссии главным образом велись вокруг вопроса о научном (и аналитическом) статусе истории. Их тон, как известно, был задан философами В. Дильтеем, В. Виндельбантом и Г. Риккертом, полагавшими, что история изучает индивидуальное и, следовательно, является не номотетической наукой, использующей метод генерализации (обобщения), а наукой идиографической (описательной).

С тех пор проблема синтетических возможностей как способа достижения

единства исторического знания не теряет своей актуальности. Это выражается и в очередном витке дискуссий по этой проблеме в конце XX в., и в сегодняшнем повышенном интересе к междисциплинарному и трансдисциплинарному синтезам, и, наконец, в появлении новых концепций, направленных на их достижение. Как точно отметил А.Я. Гуревич, «основной и решающей в историческом знании остается именно проблема синтеза» [2, с. 33].

Однако на сегодняшний день в историографии недостаточно освящен вопрос складывания классического представления о синтезе в период формирования истории как академической дисциплины. При этом очевидно, что без анализа этого «научного слоя» невозможно целостное понимание становления проблемы формирования и развития исторического синтеза на протяжении двух столетий. В данной статье мы попытаемся рассмотреть два противоположных взгляда на способы осуществления теоретического синтеза, сформулированные в русле классической рациональности. Объектами для анализа стали работы О. Конта, Г.Т. Бокля, И. Тэна и И.Г. Дройзена. Во многом концепции именно этих ученых станут отправными точками дальнейших дискуссий между сторонниками и противниками синтеза.

Классическая модель исторического синтеза наиболее полно была выражена в таком интеллектуальном течении, как позитивизм. Его основоположник — французский философ Огюст Конт — ставя перед собой задачу создания единой науки о человечестве, полагал, что истинное знание может быть получено только через

наблюдение [3, с. 6] как главный метод классической рациональности [4], используемый в естественных науках. При этом философ задумывается и о проблеме синтеза наблюдаемого. Подчеркивая важность теоретической основы этого метода, он пишет: «...если, с одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того, чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории...» [3, с. 6]. На эту роль О. Конт возводит разработанную им «позитивную философию», в которой явления общественной жизни считаются «подчиненными» действиям законов наподобие явлений в природе [5, с. 6], и, следовательно, утверждается универсальность естественнонаучного метода.

Исходя из этого, своей целью позитивизм ставит переход от первого этапа исследования (сбор фактов) ко второму (систематизация фактов и выведение законов), как отмечает О. Конт: «...чистая эрудиция, где реальные, но не связанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью» [6, с. 26]. Правда, он подчеркивает, что выведение общественных законов невозможно без рассмотрения явлений в их историческом развитии, поэтому в его философии центральное место занимает также и исторический метод, или, как он его определяет, «метод исторического сравнения различных последовательных состояний человечества» [7, с. 14]. С его помощью О. Конт открывает «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий». Согласно этому закону движущая сила развития человечества — идеи — проходят следующие стадии: 1) теологическая или фиктивная; 2) метафизическая или абстрактная; 3) положительная или реальная (научная) [3,

с. 4; 6, с. 10]. В положительной стадии появляется «здоровая философия» О. Конта, которая отказывается от предрассудков теологической и метафизической стадий, а именно от попыток искать первопричины явлений, обращая внимание лишь на поиск связей между ними [там же, с. 8; там же, с. 28].

Однако, применяя сравнение исторических эпох, О. Конт относит историю к описательным наукам и отказывает ей в возможности проводить синтетические операции с фактами. В его иерархии наук нет места истории, но располагаются следующие дисциплины: математика, астрономия, физика, химия, биология и, наконец, социальная физика, которую в 1839 г. (47-я лекция «Курса положительной философии») О. Конт переименует в социологию [6, с. 72].

Именно социология становится «единой наукой о человечестве» [там же, с. 71], соединяющей в себе как естественные, так и общественные науки. Если до этого науки начинали с анализа единичных фактов, а потом путем синтеза составляли целое, то в «социологии же, наоборот, — пишет О. Конт, — мы начинаем с синтеза, чтобы потом путем анализа получить элемент» [8, с. 121]. Таким образом, социология объявляется синтетичной в своей основе, как ее определяет философ, это «история, в которой нет имен индивидов и даже имен народов» [9, с. 317], т. е. объектом исследования становится прошлое человечества как целого [10, с. 90].

Идеи О. Конта имели большое влияние на общественные науки второй половины XIX в., поскольку являлись отражением устоявшегося в научном сообществе представления о естествознании как «эталоне» объективности [11, с. 96]. Однако позитивизм не был однородной философской доктриной. Признавая значимость

теоретической основы наблюдений, О. Конт не довел эту мысль до конца, оставив после себя множество противоречивых суждений. Уже такие его последователи, как Д.С. Милль и Г. Спенсер, не только развили идеи основоположника социологии, но и имели принципиальные расхождения с ним [8, с. 77–90; 12, с. 73–110], пытаясь каждый по-своему заполнить оставленные пробелы в теоретическом основании синтеза. В исторической науке второй половины XIX в. идеи О. Конта развили Генри Томас Бокль и Ипполит Тэн.

В своем труде «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокль обосновывает необходимость применения методологических принципов позитивистского исследования к истории для возведения ее в «ранг науки» [13]. Признавая значимость работ О. Конта, которого Г.Т. Бокль называет «живым писателем, сделавшим больше, чем кто-либо другой для поднятия уровня истории» [14, с. 3], он разделяет его идею о том, что переход от описания к обобщению является ключевым показателем научности, поскольку «усиливающее понимание правильности природы ниспровергает учение о случае и заменяет его учением о необходимой связи» [там же, с. 5]. И пока история задерживается на поиске и описании фактов, считает Г.Т. Бокль, она остается неполноценной наукой, находящейся в состоянии «младенчества». Но он не отказывает ей в возможности синтезировать факты. Острие его критики направленно на современную ему историческую науку потому, что историки до сих пор не применяли эту операцию в своих исследованиях, полагая, что их задача — «только рассказывать факты» [там же, с. 2], что привело к неестественному разрыву отдельных отраслей исторического знания и узкой специализации.

В отличие от О. Конта Г.Т. Бокль считает, что каждое действие в обществе

обусловлено какими-либо побуждениями, а побуждения, в свою очередь, зависят от конкретных причин. «Правильность явлений, действия людей зависят от причин, действия людей не бывают последовательными», — пишет Г.Т. Бокль [там же, с. 14–15]. Установить эти причины и построить на их основе законы исторического развития — новая задача историка. Таким образом, синтез фактов в исследовании должен проводиться путем нахождения причинно-следственных связей, что, как известно, является одной из вариаций процедуры объяснения. При этом Г.Т. Бокль приходит к выводу, что выполнение этой задачи возможно только путем изучения «однообразных действий» (т. е. повторяющихся, типических) всего человечества или масс [там же, с. 9]. Его «научная» история в отличие от истории «описательной» не следует «культу героев» [15, с. 51], но изучает «множество умов» [14, с. 61].

Помочь выполнить поставленную перед историей задачу, по мнению Г.Т. Бокля, может статистика [там же, с. 15], которая, с одной стороны, основываясь на индуктивном методе и математических данных, дает историку пример, как можно связать факты между собой, заимствуя метод из точных наук. А с другой — статистические данные позволяют выявить «единообразные причины», изучить историю масс. При этом Г.Т. Бокль считает, что статистика применима не только к изучению материальной стороны жизни, но может дать представление и о нравственных особенностях общества. Статистика как «вспомогательное средство» истории позволяет проводить синтез как на уровне объединения фактов, так и на уровне соединения двух областей знания — природы и социума.

Схожие идеи развил И. Тэн. Систематически пытаясь подчинить весь ход

своих исследований позитивистской философии [16, с. 239], он обрел в литературе имидж «пионера позитивизма» или «чистого позитивиста» [17, с. 195–196; 18, с. 33]. Однако было бы ошибочно сводить метод И. Тэна исключительно к позитивизму. Большое влияние на его мировоззрение оказала немецкая философия, поэтому его творческое наследие, скорее, следует рассматривать как «компромисс между гегельянством и позитивизмом» [19, с. 29].

И. Тэн убежден, что прошлое, исторические события, разные стороны жизни общества можно не только описать, но и «почти измерить», и поэтому «историку следует позволить действовать, как натуралисту» [20, с. 5–6], идти тем же путем, что и естественные науки. Эти «указанные пути» [21, с. 11] представляются И. Тэну следующим образом. Первый этап исследования заключается в сведении понятий к фактам, т. е. с помощью опыта (наблюдения) явления группируются в факты или общие понятия. При этом опыт у И. Тэна лишен какой-либо теоретической базы. Затем следует «распознавание оттенков» отдельных фактов или «рассмотрения факта вблизи», что позволяет путем анализа «размножить» факты на составные элементы [22, с. 10]. Это второй этап исследования, и ему отводится важная роль, поскольку именно с него начинается настоящая наука [18, с. 13–14]. К этому этапу должна перейти и история, как подчеркивает философ: «Всюду начинают понимать, что нет отдела истории, в котором не следовало бы разрабатывать этот тучный назем, если хотят увидеть богатые восходы на его бороздах» [21, с. 13].

Однако эти «размноженные факты» должны быть сведены в некий «каталог», таким образом, второй этап исследования завершается классификацией, т. е. на

основе какого-либо общего признака факты разделяются по отдельным группам [там же, с. 48–49]. И только после того, как все факты соединены в группы, исследователь переходит к третьему этапу — соединению групп фактов между собой и выведению законов [22, с. 10] или «формул», как называет их И. Тэн.

Группы фактов имеют общие черты, благодаря которым они соприкасаются друг с другом. Вслед за Г.Т. Боклем И. Тэн важное место отводит причинам как связующим звеньям между собранными и приумноженными фактами. По И. Тэну, причина есть «факт, из которого можно вывести природу, отношение и изменение других фактов» [18, с. 15], и таких причин он выделяет три: раса, среда, момент [21, с. 21–31]. Они связывают воедино все явления в цепи фактов, которые в свою очередь образуют формулы. Эти формулы связаны и зависимы между собой, т. е. тоже образуют цепи. Изменится одно звено — поменяется вся формула [там же, с. 47–59]. Таким образом, цель науки — найти причину причин, свести все факты к одной формуле, иначе — найти основной закон. «Наука истории изменится в настоящее время именно в этом смысле и в этом направлении; именно такая работа может обратить историю из простого рассказа в науку и позволит ей заняться установлением законов после изложения фактов... В этом отношении история человечества воспроизводит, как верная копия, философию естественной истории» [там же, с. 59], — полагает И. Тэн. Вместе с этим в его концепции существует еще и высший уровень, тот уровень, на котором возможно постичь главный закон. Подняться до этого уровня можно только с помощью метафизики [16, с. 245]. Поэтому в концепции И. Тэна на всех этапах исследования постижение фактов возможно не только с помощью

наблюдения, но и с помощью «отвлечения» [там же, с. 243–244]. Тем самым он невольно допускает спекулятивный элемент в процесс исторического исследования.

И. Тэн также видит необходимым переход от изучения личности к изучению целого человечества, поскольку общие признаки у всех индивидуумов вне зависимости от времени и пространства те же самые [21, с. 57; 22, с. 372]. И если Г.Т. Бокль в качестве вспомогательной науки для изучения масс предлагает историкам статистику, то И. Тэн на это место ставит психологию. Он пишет: «Так же, как астрономия есть в сущности механическая проблема, физиология — химическая проблема, так история в сущности не что иное, как психологическая проблема» [21, с. 39]. По И. Тэну, психология способна «заглядывать в душу» отдельной личности, постичь «скрытый мир», но она же может быть «всеобщей» наукой, превратив человеческое «я» в «вереницу событий» [18, с. 37–39].

Эти попытки историков-позитивистов добиться желаемого выведения исторических законов путем механического суммирования фактов и абстрактных обобщений не были встречены всеобщим одобрением. И одним из тех, кто попытался пересмотреть позитивистское представление о синтезе, подняв проблему методологического основания исторической науки, был И.Г. Дройзен [23].

Обращаясь напрямую к концепциям О. Конта и Г.Т. Бокля, немецкому историку очевидна ложность их убеждений в том, что историю необходимо возвести в «ранг науки», наделяя ее методами естествознания. И.Г. Дройзен задает вопрос позитивистам: «Разве есть только один путь, один метод познания? Разве не являются методы в зависимости от их предмета иными, как и органы чувств для

различных форм чувственного восприятия, как и органы для их по-разному работающих функций?» [24, с. 532]. Для И.Г. Дройзена «научность» истории заключается не в подведении ее под методы естественных наук или под какие-либо еще общие для всех наук методы, а в определении ее специфических черт, следовательно, в ее «независимой» методологической основе [25, с. 258]. Этот исторический метод И.Г. Дройзен попытался представить в курсе лекций «Энциклопедия и методология истории», который читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 гг. и опубликовал краткие тезисы этого курса под названием «Очерк историки» (1858; 1862).

В отличие от устоявшегося в эпоху классического рационализма мнения, И.Г. Дройзен полагает, что историческая наука не познает прошлое объективно, следовательно, она не может ограничиваться использованием «чистого эмпиризма» [26, с. 106]. Ни наблюдать, ни «измерить» прошлое, как в этом был уверен И. Тэн, или воспроизвести, «как это действительно было» по призыву Л. фон Ранке, невозможно. Мы можем только расширить и углубить наши знания о прошлом, как пишет историк: «Не былые времена проясняются — их уже нет, а то, что непреходящего от них осталось в нашем Здесь и Теперь» [24, с. 461]. По мнению И.Г. Дройзена, исследователь, подвергая источники критическому анализу, только «подготавливает» материал для его дальнейшей интерпретации [там же, с. 474]. Эта подготовка заключается в установлении подлинности источника, распознавании более раннего и более позднего, определении верности и, наконец, завершается упорядочиванием верифицируемого материала [там же, с. 165]. Последний этап критики особо важен в концепции теоретического синтеза

И.Г. Дройзена, поскольку определяется им как «первый шаг», позволяющий выработать определенное мнение о прошлом. Необходимость упорядочивания, по И.Г. Дройзену, исходит из самого стиля исторического исследования, где весь ход исторических событий представлен как непрерывная линия [там же, с. 223].

Критическое упорядочение дает представление, насколько исследуемый материал полон за счет того, что устанавливает «точки» (верифицируемый материал) и «лакуны» между этими «точками», которые исследователь связывает между собой. Эта критическая процедура производится с помощью установления хронологической последовательности, а затем группировки материала по отдельным аспектам (монеты, донесения, воспоминания и т. д.), позволяющим создавать «перекрещивающиеся линии» [там же, с. 228]. Таким образом, критическое упорядочивание позволяет «расставить» материал по времени, пространству и отдельным видам источников [там же, с. 238]. Однако, как утверждает И.Г. Дройзен, критика не устанавливает «подлинный исторический факт», поскольку в источниках этих фактов уже нет, есть только отпечатки «волевых актов» [там же, с. 162–164]. Эти «волевые акты» представляют собой деятельность каждого отдельного индивида в истории.

«Волевой акт» подобен клетке или атому [там же, с. 293], это тот единичный фрагмент истории, который позволяет вычленил критика источника. Именно «волевые акты» определяют ход истории, ее содержание, а не законы, как считали историки-позитивисты [25, с. 265]. Однако «волевые акты» есть бесчисленные моменты одного процесса, и задача историка заключается в том, чтобы найти действующие в них «импульсы», объединяющие единичное с общим. «Только

простое перечисление друг за другом этих фактов, каковое дала нам критика, ничего нам не говорило, но, само собой разумеется, оно включало имплицитно прагматическую связь. Ее я ищу и нахожу путем интерпретации, конкретно воспринимаемая в качестве подлинного хода событий моменты, заключающиеся в этой внешней последовательности. Имеется ли в наших источниках эта каузальная связь, эти прагматические мотивы или нет, они вытекают из природы вещей» [24, с. 240], — пишет И.Г. Дройзен. На критике заканчивается эмпирическая часть исторического исследования, после чего историк переходит к интерпретации собранного материала или к установлению связей между «волевыми актами».

С интерпретации начинается собственно историческое исследование, и И.Г. Дройзен главным методом исторической науки выдвигает понимание. Он пишет: «...если где-либо индукция и дедукция достигли великолепных результатов, то это не значит, что наука истории должна пользоваться тем или иным методом; и, к счастью, между небом и землей есть вещи, которые относятся иррационально как к дедукции, так и к индукции, которые одновременно требуют наряду с индукцией и аналитическим методом дедукции и синтеза, чтобы их постичь не полностью, а постигать все более, не целиком, а приблизительно, до некоторой степени, нужно альтернативно применять и те и другие методы; эти вещи желают быть не изложенными, не объясненными, а быть понятыми» [там же, с. 538].

По И.Г. Дройзену понимание включает в себя одновременно анализ и синтез, дедукцию и индукцию [там же, с. 464]. При этом синтез в естественных науках не равен синтезу в истории, поскольку первый лишь механически суммирует факты или обобщает их, но не позволяет познать

индивидуальное [там же, с. 555–557]. Синтез в истории сложнее, он заключается в том, что, проходя через разные «формы» интерпретации, устанавливает связи. Эти «формы» следующие: 1) прагматическая интерпретация; 2) интерпретация условия; 3) психологическая интерпретация; 4) интерпретация по нравственным началам или идеям.

Прагматическая интерпретация представляет собой первый уровень синтеза. На этом уровне исследователь с помощью аналогий (компаративный метод) и гипотез устанавливает «внутренние связи» между историческим материалом, «постигает внутреннюю логику движения» [там же, с. 241]. Затем исследователь переходит к интерпретации условий, в которой материалы погружаются в контекст, а именно устанавливается связь с пространством и временем соответствующей эпохи при учете материальных и моральных средств. Далее психологическая интерпретация предполагает распознавание воли и выражения отдельного индивида, который есть «мир в себе» и, следовательно, в этой «форме» интерпретации необходимо показать, как совокупность нравственных отношений, личных качеств взаимосвязаны в одном индивидууме. Наконец, исходя из положения И.Г. Дройзена, что «исторический мир есть космос нравственного мира» [там же, с. 289–293], интерпретация нравственных сил и идей образует наивысший синтез. Нравственные силы и идеи пронизывают всю историю человеческого развития, они связывают отдельные «волевые акты» в единое целое. «Становление и рост нравственной идеи есть движение и жизнь истории... Такая идея, комплекс идей, которые прослеживает и постигает интерпретация, с точки зрения исторического исследования становится главной для характеристики человека,

народа, времени» [там же, с. 274–275], — утверждает историк.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод. Историки-позитивисты, разделявшие во многом воззрения О. Конта о возможности соединения природной и духовной сфер и, следовательно, ставящие перед собой цель создания научной истории по принципу естествознания, пытались доказать необходимость проведения синтетической операции для выведения законов, в результате чего неизбежно обратились к понятию «факта». И Г.Т. Бокль, и И. Тэн не сомневались в том, что история должна соединить разрозненные факты прошлого в единую формулу или закон путем построения причинно-следственных связей, основанных на статистике или психологии. Отрицая философию или отводя ей роль высшего уровня исследования, историки-позитивисты пытались сделать историю точной наукой, не замечая специфики этой области знания, а также собственных философских и теоретических предпосылок.

В свою очередь И.Г. Дройзен, критикуя позитивистскую парадигму исторического синтеза, отрицал возможность объективной «точной» передачи прошлого и определил методологической основой исторической науки понимание в противовес объяснению, используемому в естествознании. Он полагал, что целостность прошлого может быть достигнута с помощью многоуровневой интерпретации. На каждом этапе интерпретации, прокладывая свой путь от частного к общему, историком соединяются разные объекты исследования, где наивысшим уровнем синтеза определяется нахождение обобщающей идеи или «нравственной силы», которая связывает «волевые акты» в единое целое, замыкая «круг понимания». При этом синтез у И.Г. Дройзена достигается с помощью причинно-следственных

связей только на уровне прагматической интерпретации, а далее в дело включаются процедуры, которые далеки от непосредственного выведения цельного знания из фактов.

Таким образом, уже в эпоху классической рациональности проблема синтеза была поставлена и имела разные точки зрения на пути ее решения, что во многом

корректирует представление о «монолитности» методологической основы историографии этого периода. Следовательно, отмеченные выше дискуссии конца XIX — начала XX вв. возникли не на пустом месте. И сторонники, и противники синтеза, строя свою аргументацию, немало почерпнули из теоретического опыта предшествующих лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Skeat, W.W. An Etymological Dictionary of the English Language, London: Oxford University Press, 1953. 780 p.
2. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.; СПб., 2014. 432 с.
3. Конт, О. Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1900. 302 с.
4. Мамардашвили, М.К. Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси, 1984. 82 с.
5. Конт, О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. IV. С. 1–6.
6. Конт, О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. 76 с.
7. Кон, И.С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 205 с.
8. Оршанский, И.Г. Позитивизм и контизм. СПб., 1894. 148 с.
9. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.Н. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.
10. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.
11. Лубский, А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. 352 с.
12. Нарский, И.С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960. 200 с.
13. Fling, F.M. Historical Synthesis. The American Historical Review. 1903. Vol. 9. No. 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/1834216> (дата обращения: 23.01.2022).
14. Бокль, Г.Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. СПб., 1906. 628 с.
15. Соловьев, Е.А. Г.Т. Бокль. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1895. 80 с.
16. Страхов, Н.Н. Заметки о Тэне // Русский вестник. 1893. № 4. С. 238–258.
17. Горнфельд, А.Г. Творческая личность Тэна. К десятилетию его смерти (1893) // ...На западе: лит. беседы. СПб.: Мир, 1897. С. 190–230.
18. Тэн, И. Тит Ливий: критическое исследование / под ред. В.И. Герье. М., 1900. 398 с.
19. Шишков, И.З. Гносеологическая концепция И. Тэна и позитивизм (к 100-летию со дня смерти философа) // Историко-философский ежегодник — 92. М.: Наука, 1994. С. 28–34.
20. Тэн, И. Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1880. 543 с.
21. Тэн, И. О методе критики и об истории литературы. СПб., 1896. 64 с.
22. Тэн, И. Об уме и познании / пер. с фр. Н.Н. Страхова. СПб., 1894. 512 с.
23. Iggers, G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century. Syracuse Scholar. 1988. Vol. 9. Iss. 1. Art. 7. URL: <https://surface.syr.edu/suscholar/vol9/iss1/7> (дата обращения: 15.01.2022).

24. Дройзен, И.Г. Очерк историки. СПб.: Владимир Даль, 2004. 584 с.
25. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Классическое наследие. М.: Высшая школа экономики, 2010. 336 с.
26. Лукоянов, В.В., Николаи, Ф.В. От «Историки» И.Г. Дройзена до «Историки» Н.И. Кареева // *Textum Historiae: исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории*. Н. Новгород, 2014. Вып. 5. С. 105–120.

REFERENCES

1. Skeat, W.W. *An Etymological Dictionary of the English Language*. London, Oxford University Press, 1953, 780 p.
2. Gurevich, A.Ya. *Istoricheskij sintez i shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the "Annales" School]. Moscow; St. Petersburg, 2014, 432 p. (in Russ.)
3. Comte, A. *Kurs položitelnoj filosofii. T. I* [Positive Philosophy Course, vol. I]. St. Petersburg, 1900, 302 p. (in Russ.)
4. Mamardashvili, M.K. *Klassicheskij i neklassicheskij ideal racionalnosti* [Classical and Non-Classical Ideal of Rationality]. Tbilisi, 1984, 82 p. (in Russ.)
5. Comte, A. *Kurs pozitivnoj filosofii* [Positive Philosophy Course], *Rodonachalniki pozitivizma = The Founders of Positivism*. St. Petersburg, 1912, iss. IV, pp. 1–6. (in Russ.)
6. Comte, A. *Duh pozitivnoj filosofii* [The Spirit of Positive Philosophy]. St. Petersburg, 1910, 76 p. (in Russ.)
7. Kon, I.S. *Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk* [Positivism in Sociology. Historical Outline]. Leningrad, Leningradskij universitet, 1964, 205 p. (in Russ.)
8. Orshanskiy, I.G. *Pozitivizm i kontizm* [Positivism and Kontism]. St. Petersburg, 1894, 148 p. (in Russ.)
9. *Klassika i klassiki v socialnom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge], ed. by I.M. Savelyev, A.N. Poletaev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 536 p. (in Russ.)
10. Aron, R. *Etapy razvitiya sociologicheskoy mysli* [Stages in the Development of Sociological Thought]. Moscow, Progress, 1992, 608 p. (in Russ.)
11. Lubskij, A.V. *Alternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow, 2005, 352 p. (in Russ.)
12. Narskij, I.S. *Ocherki po istorii pozitivizma* [Essays on the History of Positivism]. Moscow, 1960, 200 p. (in Russ.)
13. Fling, F.M. Historical Synthesis. *The American Historical Review*, 1903, vol. 9, No. 1. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1834216> (accessed: 23.01.2022).
14. Buckle, G.T. *Istoriya civilizacii v Anglii: v 2 t.* [The History of Civilization in England: in 2 vol.]. St. Petersburg, 1906, 628 p. (in Russ.)
15. Solovev, E.A. *G.T. Bohl. Ego zhizn i nauchnaya deyatel'nost* [G.T. Bockle. His Life and Scientific Activity]. St. Petersburg, 1895, 80 p. (in Russ.)
16. Strahov, N.N. *Zametki o Tene* [Notes on Taine], *Russkij vestnik = Russian Bulletin*, 1893, No. 4, pp. 238–258. (in Russ.)
17. Gornfeld, A.G. *Tvorcheskaya lichnost Tena. K desyatiletiju ego smerti (1893)* [Ten's Creative Personality. By the Decade of His Death (1893)]. In: *...Na zapade* [...In the West: literary conversations]. St. Petersburg, Mir, 1897, pp. 190–230. (in Russ.)

18. Taine, I. *Tit Livij: kriticheskoe issledovanie* [Titus Livius: Critical Research], ed. by V.I. Guerrier. Moscow, 1900, 398 p. (in Russ.)
19. Shishkov, I.Z. Gnoseologicheskaya koncepciya I. Tena i pozitivizm (k 100-letiyu so dnya smerti filosofa) [I. Ten's Epistemological Concept and Positivism (To the 100th Anniversary of the Philosopher's Death)], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik — 92 = Historical and Philosophical Yearbook — 92*. Moscow, Nauka, 1994, pp. 28–34. (in Russ.)
20. Taine, I. *Proiskhozhdenie obshchestvennogo stroya sovremennoj Francii* [The Origin of the Social System of Modern France]. St. Petersburg, 1880, 543 p. (in Russ.)
21. Taine, I. *O metode kritiki i ob istorii literatury* [About the Method of Criticism and the History of Literature]. St. Petersburg, 1896, 64 p. (in Russ.)
22. Taine, I. *Ob ume i poznanii* [About Mind and Knowledge]. St. Petersburg, 1894, 512 p. (in Russ.)
23. Iggers, G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century. *Syracuse Scholar*, 1988, vol. 9, iss. 1, art. 7. Available at: <https://surface.syr.edu/susolar/vol9/iss1/7> (accessed: 15.01.2022).
24. Droysen, I.G. *Ocherk istoriki* [Essays Historians]. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2004, 584 p. (in Russ.)
25. Saveleva, I.M., Poletaev, A.V. *Klassicheskoe nasledie* [Classic Heritage], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2010, 336 p. (in Russ.)
26. Lukoyanov, V.V., Nikolai, F.V. Ot “Istoriki” I.G. Drojzena do “Istoriki” N.I. Kareeva [From the “Historian” by I.G. Droyzen to the “Historian” by N.I. Kareev]. In: *Textum Historiae: issledovaniya po teoreticheskim i empiricheskim problemam vseobshchej istorii* [Textum Historiae: Studies on Theoretical and Empirical Problems of World History]. N. Novgorod, 2014, iss. 5, pp. 105–120. (in Russ.)

Назаров Сергей Олегович, магистр, младший научный сотрудник, Архив Российской академии наук, sergey_nazarov13@mail.ru

Sergey O. Nazarov, Master of Arts, Junior Research Assistant, Archive of the Russian Academy of Sciences, sergey_nazarov13@mail.ru

271

Статья поступила в редакцию 25.07.2022. Принята к публикации 19.08.2022

The paper was submitted 25.07.2022. Accepted for publication 19.08.2022